

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ И ПЕРЕВОД

© 2002 В.Б.Кашкин

Воронежский государственный университет

Основная задача данной статьи – представить грамматическую сторону языка не просто как систему элементов и отношений, а как систему действий пользователя, как систему повторяющихся схем действия, стратегий и факторов, обуславливающих выбор того или иного грамматического оформления высказывания. Отталкиваясь от традиционного для лингвистических исследований подхода – «препарирования языковых трупов», то есть текстов, в которых зафиксирован *результат* выбора, – хотелось бы наметить пути изучения факторов выбора и *процесса* осуществления языкового и, в частности, грамматического действия. Автор отдает себе отчет в том, что разработка данной проблематики связана с изменением самого лингвистического инструментария и методологии исследования, что в рамках данной статьи осуществить невозможно и несколько преждевременно. То, что будет в фокусе внимания в данной публикации, следовало бы скорее назвать отражением процесса в результате, нежели (хотя это и является конечной и желаемой целью) рассмотрением самого процесса.

В рассмотрении человеческой коммуникации, языка и перевода прослеживается два подхода: парадигма трансляционная, линейная, механистическая и парадигма диалогическая, нелинейная, деятельностная [5, 7]. Механистическая парадигма, во многом отражающая мифологию ‘наивного пользователя языка’, рассматривает коммуникацию как обмен текстами и информацией, кодируемой с помощью стабильной системы по исчисляемым правилам. С точки зрения деятельностной парадигмы, текст и информация создаются, вновь (рекуррентно) создаются и реинтерпретируются в ходе постоянного диалогического взаимодействия коммуникантов. Постоянно воссоздаются и соотношения коммуникативных действий участников общения, то есть, язык. Язык не является набором единиц и правил действий с ними: метафора овеществления текстов, слов и их элементов при рассмотрении коммуникации как процесса ус-

тупает место рассмотрению единиц языка как действий коммуникантов.

Разумеется, теоретические модели перевода любой ориентации¹ далеки от наивной мифологии пословной линейной замены слов при переводе [8, 33-34; 7, 27-28]. Тем не менее, большинство моделей основывается на неявном предположении, что язык состоит из конечных единиц, вопрос ставится не об их внутреннем (недискретном, процессном) характере, а об уровне, либо о количественном объеме ‘единиц перевода’. Впрочем, для ряда авторов очевидно и противоречие, вытекающее из естественной антиномии континуальности и дискретности, линейности и нелинейности в языке; перевод для этих исследователей предстает как процесс, но процесс, дискретизируемый действиями с выделяемыми по тем или иным принципам единицами перевода [9, 192-193].

Вероятно, для получения модели перевода, более адекватно приближенной к реальности языковой деятельности, необходим антиномический подход, учитывающий диалектику реальных противоречий в языке. Описание же процесса перевода текста как жестко заданного алгоритма правил выбора грамматических и лексических средств – соответствий языку оригинала в языке перевода – оставляет за рамками теоретической конструкции множество аспектов, включенных в реальное языковое существование. Жизненная ситуация языковых контрастов (в частности, перевод²) предполагает не столько простое сопоставление текста оригинала и текста перевода на предмет адекватности, точности и прочих мифологизированных критериев, сколько многогранную деятельность язы-

¹ В.В.Сдобников и О.В.Петрова, например, выделяют такие модели, как ситуативно-денотативная, трансформационная, семантическая и некоторые другие [9, 156-176].

² О типах языковых контрастов см. предложенную автором статьи модель, например, в [Кашкин 2001: 224-228].

ковых субъектов, осуществляющих это сопоставление.

Как в процессе создания монологического текста, так и в процессе перевода деятельность языкового субъекта определяется а) антиномией, диалогическим взаимодействием имеющейся интенции (коммуникативного намерения) и прогнозируемой инференции (коммуникативных последствий); б) рядом факторов, влияющих на выбор средств высказывания или перевода. Грамматическое действие как часть языковой и коммуникативной деятельности также формируется во взаимодействии этих факторов.

Грамматическая форма рассматривается нами не как одномоментное дискретное образование, а как процесс и результат выбора в рамках грамматического действия. Фактически, привычные для обыденного сознания 'грамматические формы' являются не чем иным, как письменной фиксацией повторяющихся речевых действий (то есть, языковых действий, 'языкования', если дословно перевести термин У.Матураны *linguaging*). Длющийся во времени процесс предстает как овестьствованный результат. На самом же деле реальность языковой деятельности представляет нам картину постоянного выбора из исторически и контекстуально обусловленных возможностей. Даже если мы не рассматриваем процесс произнесения формы как фонетического слова, процесс выбора как предпочтение одного из возможных путей наблюдается в многочисленных фактах гезитации, самоисправления, перефразирования, переспроса и т.п. В нашем корпусе имеется, например, наблюдение за спонтанным диалогом двух ведущих французской радиостанции RADIO FRANCE-INTERNATIONALE: *C'était le... le... le... la ... le...* (конечным выбором говорящего оказался артикль *le*).

Таких примеров множество в речевой практике на любом языке. Высказывание формируется не 'по правилам' (как можно было бы сделать вывод из практических грамматик и языковых учебников), а в соответствии с коммуникативной стратегией, стратегией языкового поведения в той или иной ситуации, в том или ином ситуативном контексте. Во временной протяженности высказывания выделены точки выбора, в которых возможный путь дальнейшего его движения как бы разветвляется. Именно здесь виден не жесткий выбор 'по правилам', а процесс диалога – с реальностью и с собеседником, то есть, с коммуникативной средой, с контекстом.

Траектория выбора напоминает действие аттракции в математическом понимании (теория катастроф, теория хаоса, синергетика), пере-

шедшем в лингвистику как метафора (см., например, [3, 22-23, 29]). Соотношение интенции говорящего и прогнозируемой инференции слушающего при этом меняется с течением времени. До момента употребления формы интенция преобладает над прогнозируемой инференцией. После употребления интенция уступает место инференции (уже не прогнозируемой, а реально осуществляемой) и интерпретации [12, 109-110].

В процессуальной модели грамматического действия таким образом, понятие интенции должно быть дополнено понятиями протенции, и ретенции (в гуссерлианском понимании). На оси времени, в процессе осуществления грамматического действия, наблюдаем этап еще-неупотребленного знака, этап намерений и возможностей выбора; мгновение употребления, когда знак соединяется со своим ситуативным значением; и – этап уже-употребленного знака, этап понимания и интерпретации, переосмысления. Язык оказывается возможным благодаря повторяемости соединения намерений и интерпретаций, любое последующее намерение опирается на предыдущие интерпретации, на своего рода 'память знака'.

Факторы, влияющие на выбор грамматического оформления высказывания, различны по степени и приоритетности своего влияния, иначе говоря, представляют собой иерархию. Иерархия факторов выбора грамматической формы не зависит от конкретно-языковой реализации, она проявляет себя сходным образом в различных языках. Идиоэтнические особенности грамматического действия касаются внутренней специфики влияния каждого из факторов и возможностей выбора, конкретно-языковых средств, находящихся в распоряжении языкового субъекта (конкретно-языковых аттракторов).

Если сравнить путь выбора оформления высказывания с траекторией движения дождевой капли по оконному стеклу (меандром, в терминологии физиков), то языки представляют собой различные системы меандров, различные рисунки на оконном стекле, различные комплексы выборов из множества возможностей. Меандр сочетает в себе время и форму, процесс и результат, континуальность и дискретность, гештальтность и линейность.

Процесс перевода, как и процесс монологического высказывания, проходит определенные точки выбора, когда переводчик, как и говорящий, выбирает то или иное грамматическое оформление. В отличие от монологического высказывания, где начальный и конечный пункт меандра определяются намерением говорящего и ожиданием коммуникативного эффекта, в про-

цессе перевода и намерение, и коммуникативный эффект, да и соединение смысла с языковыми единицами (языка оригинала) как бы даны заранее (хотя, видимо, и в этом случае можно допустить определенное 'расшатывание' жесткой структуры). Но и в процессе перевода происходит диалогическое взаимодействие переводчика и 'поля возможных средств перевода', своеобразной 'памяти системы' переводящего языка.

Определяя критические точки выбора грамматических средств при переводе, мы сталкиваемся с разбиением грамматического процесса на дискретные фрагменты, динамические 'единицы перевода'. Грамматический выбор идиотичен, специфичен для каждого языка, в то же время, коммуникативные последствия текста-оригинала и текста-перевода (и даже отдельных фрагментов, фраз этих текстов), в целом, как правило, настолько близки, что могут считаться эквивалентными.

Моделирование процесса перевода как установления эквивалентности единиц-текстов прагматически оправдано, но технологически неудобно. В то же время, установление поэлементной эквивалентности (в нашем случае. форма::форма) сталкивается с асимметрией членения формального и функционального репертуара языков. Так, общеизвестно, что одной единице языка-оригинала в переводе может соответствовать две и более (и наоборот). Факторная модель перевода использует понятия универсального языка и интегрального грамматического значения (грамматического интеграла), а также опирается на принцип взаимной переводимости языков.

Интегральное грамматическое значение мотивировано прагматически (ср. [2, 422]), его можно обнаружить в любом языке, вне зависимости от конкретно-языковой реализации в наличествующих единицах данного языка.

Языковая интерпретация действия через глагольные формы, информационная перспектива высказывания, выражающаяся через артиклевое оформление имени или другими средствами, иные компоненты высказывания проявляют себя в рамках конкретно-языковых контекстуальных комплексов. В данных комплексах соответствующее глобальное грамматическое значение либо выражается формализованным элементом, либо перераспределяется между разноуровневыми компонентами комплекса в соответствии с интенцией языкового субъекта (или интерпретацией исходной интенции переводчиком) и возможностями системы переводящего языка. В переводе, таким образом, мы

неизбежно сталкиваемся с взаимодействием явлений скрытой и явной грамматики.

Факторная модель грамматического действия (и перевода) требует постулирования, таким образом, наличия трех видов грамматики: *грамматики полной* (общей, универсальной), *грамматики явной* (выражающейся в грамматизованных формальных парадигмах) и *грамматики скрытой* (находящей свое выражение через неграмматизованные средства, или латентной, могущей стать явной грамматикой в ходе языковой эволюции). Полная грамматика, связанная с принципом всеобщей переводимости (восходящим, в конечном итоге, к принципу бесконечности семиозиса и взаимной перекодируемости знаковых систем Ч.С.Пирса), опирается на *антиномию грамматического интеграла* (универсального грамматического понятия или концепта) и *грамматико-контекстуального комплекса* (конкретноязыкового воплощения грамматических смыслов в формализованных и контекстуальных средствах).

Подобная модель позволяет сопоставлять языки и говорить о взаимной грамматической переводимости даже в случае нулевой представленности формальных средств, в случае перераспределения универсальных грамматических смыслов того или иного интеграла между контекстуальными. Наиболее известным примером последнего может служить неявный, 'супрасегментный артикль' в русском языке:

По небу полуночи ангел летел (Лермонтов) // англ. *An angel was crossing the pale vault of night* // нем. *Am Mitternachtshimmel flog hoch am Zenith Ein Engel* // франц. *À l'heure de minuit, fendant l'azur des cieux, Un ange murmurait* // итал. *Un angelo andava pel cielo notturno* // венгерск. *Szegdelte egy angyal az éji eget* и т.д.

В скрытой грамматике русского языка обнаруживаются и перфектные смыслы:

Награбил денег – страсть! (Л.Толстой) // англ. *He has stolen a lot of money!* // нем. *Der hat Geld zusammengescharrt – schrecklich!* // франц. *Ah! Il en a ramassé de l'argent, le gaillard!* // испанск. *Ha robado en cantidad* // итал. *Si vede che ne ha rubato del denaro, e non poco!* и т.д.

Независимые переводчики на разные языки 'распознают' в русском тексте универсальные грамматические интегралы неопределенности и перфектности, распределенные в русском языке между такими средствами, как порядок слов, семантика 'чужих' форм, контекст и т.п. Можно сказать, что *в грамматическом плане переводятся не формы, а грамматико-контекстуальные комплексы, соотносимые с универсальными грамматическими интегралами*.

ми, находящими свое выражение в разноуровневых средствах различных языков.

Наличие тех или иных средств является одним из факторов (категориальный или системный фон), которые определяют выбор переводчиком грамматического оформления высказывания в языке перевода. Помимо этого, весьма важным фактором, на процесс выбора воздействуют также и другие.

Выделяемые факторы неравновесны, их взаимоотношения, как уже было сказано, представляют собой иерархию: (1) текстовые (регистровые или стилистические) факторы; (2) общеситуативные факторы; (3) категориальные факторы; (4) контекстуальные факторы; (5) лексические факторы.

Х.Вайнрих сравнивает текст с партитурой музыкального произведения [13, 66-67]. Партии элементов текста должны быть созвучны друг другу и общей тональности произведения. Так, форма презентного перфекта, употребляется обычно в устных сообщениях о 'свежих новостях', при 'обговаривании' (*Besprechung*, по Вайнриху) прошлого опыта:

Что ж делать, матушка. Вишь, с дороги сбились (Гоголь) // англ. *We've lost our way, you see* // нем. *Du siehst es ja, wir haben uns verirrt* // франц. *Nous nous sommes trompés de route* // испанск. *Ya ves que hemos perdido el camino* // итал. *Lo vedi, abbiamo perduta la strada* и т.д.

Для текстового типа 'рассказывание' (*Erzählung*) данная форма нехарактерна, в этом случае выбираются различные формы прошедшего времени.

Определяющим для грамматического действия фактором является наличие категориальной ситуации в той или иной ее разновидности. О типах ситуативной мотивировки употребления перфекта см. [4, 37-47]. Прототипической ситуацией для неопределенно-артиклевой формы имени является интродукция (введение имени, терма в текстовое действие):

Я сегодня поймал было рыбку, Золотую рыбку, не простую (Пушкин) // англ. *Today I netted an extraordinary fish, a golden fish* // нем. *Heute hab ich ein Fischlein gefangen, Ein gar seltenes Fischlein, ein goldenes* // франц. *J'ai failli aujourd'hui attraper un poisson, un merveilleux poisson d'or* // испанск. *Hoy cogí un pececito entre las redes, pero no como todos, de oro era* // итал. *Oggi ho pescato un pesciolino, un pesciolino d'oro, non comune* // венгерск. *Egy kis hal akadt ma a hálótba, de nem akármilyen hal: aranyhal* // болгарск. *Хванах днес една рибка, не каква да е рибка – златна*. Дальнейшие текстовые действия с 'рыбкой' происходят в определенно-артиклевом оформлении.

После универсальной категориальной ситуации следующим по значимости фактором является наличие в явной грамматике соответствующей категории и формальных средств ее выражения. Грамматизованная форма выступает в данном случае в роли аттрактора. Грамматическое действие 'вливается' в одну из возможных, предопределенных данной языковой системой 'меандровых' траекторий. Так, испанские и английские переводчики легко распознают континуальную разновидность перфектной ситуации, передавая ее формой перфектного прогрессива настоящего времени:

Я только одного вас и молила у бога весь день (Достоевский) // англ. *I've been simply praying for you all day* // исп. *Yo le he estado pidiendo a Dios* //, но не немецк. *Den ganzen Tag über habe ich gebeten* // франц. *J'ai prié toute la journée* // итал. *Non ho fatto altro che pregare*, где подобной формы в явной грамматике нет³.

Взаимное рассмотрение переводов на языки с наличием соответствующей формы и с ее отсутствием в явной грамматике показывает, что в последнем случае смыслы универсального грамматического интеграла не исчезают, а перераспределяются между элементами контекста. Фактически, как уже говорилось, переводится не отдельная форма, а воссоздается целый комплекс – с помощью наличествующих в данной языковой системе аттракторов: формальных средств, контекстуальных средств, лексического наполнения формы. Говоря о контекстуальных факторах, следует отметить, что контекст для говорящего не является заданным, он создается им вместе с формальной стороной высказывания. Для переводчика контекст, казалось бы, задан текстом оригинала, но это – контекст исходного языка, тот путь, который выбрало для себя грамматическое действие, исходя из возможностей (аттракторов) исходного языка. Фактически же, переводчик также создает – или воссоздает ситуацию, заново ее интерпретирует, его грамматическое действие 'вливается' в возможные пути, 'меандры' переводящего языка.

Лексический фактор связан с взаимодействием значения лексической группировки (например, глаголы движения и выбор вспомогательного глагола перфектных форм в некоторых языках, переходность/непереходность на опре-

³ В отношении испанского и итальянского следует сделать две оговорки. Наличие этой формы в испанском не признается многими испанистами, хотя наш материал параллельных переводов доказывает обратное. В итальянском подобная форма возможна, но встречается редко в общем языке (в некоторых диалектах отмечена чаще).

деленном этапе развития перфекта, исчисляемость/неисчисляемость и т.п. для неопределенно-артиклевого оформления имени и другие многочисленные случаи). Фактически, смысл грамматического действия создается из взаимодействия лексики и грамматики, границу между которыми так пока никому и не удалось провести – ни в синхронии, ни в диахронии. Говорящий (а, в основном, также и переводчик) не задумывается над тем, какую форму ему употребить, он стремится выполнить ту или иную коммуникативную задачу, для которой ‘все средства хороши’, поэтому грамматико-контекстуальный комплекс дополняется ‘до насыщения’, а иногда (проявляя свойство избыточности) и пересыщается средствами выражения того или иного универсального грамматического интеграла.

С учетом среды, в которой совершает свои лингвистические действия пользователь языка, можно также принимать во внимание (6) культурные, (7) интертекстуальные и т.п. факторы, хотя они в большей степени связаны с лексическими и текстовыми, а не с грамматическими аспектами перевода. Иерархию факторов не следует считать временной, то есть, ее не следует понимать таким образом, что “сначала нужно учесть фактор №1, затем – №2” и так далее. Приведенная иерархия распределяет факторы по степени приоритетности, а не по временной последовательности.

Помимо вышеперечисленных, существенную роль в грамматическом выборе играет и (8) когнитивный фактор [1]. Это в особенности явно можно наблюдать всякий раз, когда в реальном употреблении (или в рекуррентном создании) форм, грамматическая семантика, представляющая собою квинтэссенцию предыдущих употреблений, предыдущих контекстов, сталкивается с реальными вещами и лицами, о которых нам известно что-либо из контекста их жизненной практики, их предыстории. Это знание (когнитивное поле) некоторым образом пересекается с определенным семантическим (или функционально-грамматическим) полем. Например, знания о единичности, уникальности предмета могут пересекаться с грамматическими концептами качества и количества (*the Sun, the Moon*, но обычно не *a sun, a moon*).

Большинство дидактических грамматик, как правило, не принимают во внимание соображений лингвокультурного, когнитивного, интертекстуального порядка, ограничиваясь либо структурным представлением парадигмы форм, либо перечислением их функций. Тем самым в языковом сознании изучающего иностранный язык пользователя, да и у начинающего переводчика создается деформированная картина дей-

ствий в языковой реальности. Впрочем, и ‘квалифицированные’ переводчики могут оступиться на порогах иной культуры. Так, русских, даже довольно хорошо владеющих стандартной грамматикой носители английского языка и культуры все же считают слишком напористыми, “невежливыми” [10, 230-236 и др.], например, потому, что в ситуации совета они дают его, напрямую переводя русский императив, типичный в таком случае: *У меня температура – Выпей лекарство* (или: *Сходи к доктору*) // англ. *Take a medicine (Go to the doctor)*, хотя носитель соответствующей лингвокультуры предпочтет даже не фразу с *should*, а, скорее, не прямое речевое действие типа: *Have you ever thought of taking/visiting...?*

Факторная модель грамматического действия и перевода в большей степени соответствует реальности языкового существования, нежели статические модели, рассматривающие *продукт*, но не *процесс* перевода. Возможности дальнейшей разработки связаны с выделением дополнительных факторов, влияющих на грамматический выбор, а также на другие аспекты перевода. Весьма подробно различные факторы рассмотрены в работе [11, 5-6 и др.]. Значимыми аспектами являются также взаимодействие [11, 280-286], взаимное предпочтение, взаимная нейтрализация факторов и др. Радикально существенным для поставленных задач будет исследование собственно грамматических действий и объяснений причин выбора грамматического оформления пользователями языка

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П., Кашкин В.Б. Когнитивный аспект грамматического употребления // Методические и лингвистические проблемы в обучении иностранному языку. – Вып. 6. – Воронеж: ВВАИИ, 2001. – С.3-6.
2. Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982. – С. 411-431.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: ТверГУ, 2001. – 177 с.
4. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
6. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. – 255 с.

7. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. Аспекты метакommunikативной деятельности. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 4-34.
8. Ляхтеэнмяки М. Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып.1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – С.32-45.
9. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2001. – 306 с.
10. Цурикова Л.В. Проблемы естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002.
11. Gutknecht C., Rölle L.J. Translating by Factors. – N.Y.: SUNY Press, 1996. – XVI + 346 с.
12. Kashkin V.B. Choice Factors in Translation // Target: International Journal of Translation Studies. – 10:1. – Amsterdam; Philadelphia: J.Benjamins, 1998. – С.95-111.
13. Weinrich H. Textlinguistik: Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache // Jahrbuch für Internationale Germanistik. – 1:1. – 1969. S.61-74.